

Максим Анатольевич Ююкин
(Воронеж)

Летописная ойконимия как источник реконструкции лексики древнерусского языка

Известно, что историческая ономастика нередко сохраняет как бы в законсервированном виде языковые факты, присущие древним этапам развития языка, но утраченные или претерпевшие эволюцию в более поздние периоды, причем нередко имена собственные оказываются единственными свидетельствами их бывшего существования в данном языке. Это в полной мере относится к лексическому уровню языка. Как отмечает Ф. Безлай, «из имен собственных мы можем реконструировать сотни слов, сегодня уже полностью забытых или лишь изредка засвидетельствованных в исторических источниках, часто уже только диалектных реликтов» (Bezłaj, 1958, с. 356).

Исследование древнерусской летописной ойконимии (в границах территории формирования великорусской народности) показало, что среди примерно тысячи этих названий, собранных в этимологическом словаре (Ююкин, 2015), содержится 19 топонимов, которые образованы от славянских по происхождению лексем, неизвестных из памятников

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2018.

Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk]

древнерусской письменности¹ (без учета ойконимов, мотивированных антропонимами (которые должны быть предметом специального изучения) или образованных от слов, очень близких к засвидетельствованным древнерусским лексемам (родовых вариантов, регулярных деминутивных и аугментативных производных)²). Для их реконструкции используются

¹ Факты отсутствия лексем в памятниках установлены на основании данных не только изданных исторических словарей русского языка, но и картотеки, хранящейся в Институте русского языка РАН (Москва). Разумеется, это не исключает возможность того, что в некоторых случаях в древнерусскую эпоху могли быть упомянуты слова родственные, однокоренные анализируемым (такие случаи обычно оговариваются в тексте), которые, однако, никоим образом не могут отождествляться с последними или рассматриваться как их формы. Реконструированные лексеммы приводятся вместе с летописными ойконимами, на основе которых они восстанавливаются, а также контекстными цитатами из источников с упоминаниями последних.

² Не нашли отражения в статье и примеры, которые являются дискуссионными; таким образом, в ней рассматриваются лишь наиболее ясные и бесспорные случаи. Однако некоторые из оставшихся «за бортом» слов представляют большой интерес и не могут быть вовсе обойдены молчанием. В первую очередь это относится к названию *Кошира* (совр. *Кашира*), интерпретация которого как сложения префикса *ко-* и прямо не засвидетельствованного в нарицательной лексике древнерусского существительного **шира* ‘ширина’, которое мы реконструируем на основе наречия *шире*, *въ шире* (*въ ширѣ*) ‘шириной, в ширину’ (Срезневский, 1989, с. 1594), или непосредственно именной формы производящего адъектива **širъ(jb)*: русск. диал. (смол.) *широй* ‘чистый, открытый’, словен. *šir*, *šira* ‘широкий’, чеш. *širý*, словц. *širy* ‘то же’ (Фасмер, 1996b, с. 442; см. Ююкин, 2015, сс. 150–152), может быть дополнительно аргументировано с помощью ряда прямых и косвенных доказательств.

Прежде всего следует сказать, что хотя в литературе и считается, что префикс *ко-* служит преимущественно для образования имен и именных производных от глагольных корней (см. Schütz, 1965, сс. 322–329), в русском языке известны и другие, в том числе весьма древние, существительные, образованные с помощью этого префикса от адъективных основ: ср. *кобель* (согласно убедительной, на наш взгляд, этимологии О. Н. Трубачева, это приставочное образование **ко-бѣль* от *белый*, ср. польск. *przeko-biały* ‘пестрый (о масти животных)’, русск. *перко-бѣлый*, а также поговорку: *чёрного кобеля не отмоешь добела*), *коржава* ‘топкое место, железистое болото’ (ср. *ржав(ый)*), *кошута* ‘самка оленя’, только русск.-цслав., болг. *кошута*, с.-хорв. *кошута*, словен. *košúta*, др.-чеш. *košut* ‘козел’, словц. *košut* (от **šutъ* ‘безрогий’: укр. *шута* ‘комолая корова’, болг. *шут* ‘безрогий’, чеш. *šutá koza*, польск. *szuty*) (см. Фасмер, 1996a, с. 297 [дополнение О. Н. Трубачева], 326, 362).

Ряд русских диалектных слов, омонимичных топониму *Кошира* и иногда привлекаемых для объяснения его этимологии, думается, не имеет к нему отношения. *Кошира* ‘овечий хлев’ (Фасмер, 1996a, с. 215) известно в этой форме только в тульских говорах и в источниках более ранних, чем словарь Даля, не упоминается. В остальных

этимологический метод, метод анализа основ и общелингвистический сравнительный метод (сопоставление с засвидетельствованной лексикой русского и других славянских языков); определенное применение в работе находят также семасиологический, словообразовательный, ареальный и стратиграфический методы.

По характеру их доступных изучению генетических связей рассматриваемые лексемы делятся на три группы: 1) лексема известна в современных восточнославянских языках и/или их диалектах; 2) существительное не имеет засвидетельствованных точных соответствий, однако известен глагол, от которого оно, по всей вероятности, образовано; 3) лексема не известна на восточнославянской почве, однако имеет точные соответствия в западно- и южнославянских языках.

К числу лексем первой группы принадлежат:

*богона : *Богона* («на ям на Богону», Пискаревский летописец, 1569 г.), ср. русск. диал. *баган* ‘заболоченный сосновый лес, часто с березой’, пск. также ‘болото’, блр. диал. *багон* ‘болото, низкое болотистое место, высокое место, заросли багульника на болоте’ (Ююкин, 2015, сс. 29–30); в древнерусском языке отмечен только апофонический и словообразовательный вариант этого слова *багня* ‘болото’, прил. *багнистый* (оба слова встречаются в единственном документе XVI в.) (см. Бархударов, 1975, с. 63);

диалектах и других славянских языках это слово имеет вид *кошара* (см. Фасмер, 1996а, с. 360; Филин, 1979, сс. 138–139, 149). Поэтому мы считаем, что более вероятно влияние топонима *Кашира* на фонетический облик этого эндемичного диалектизма, чем обратный процесс. Кроме того, образование названий от слов с подобным значением лексико-семантическим способом не характерно для гидронимии (а ойконим *Кашира* имеет гидронимическое происхождение), особенно древней. *Каширик* (амур.) ‘бычок по второму году’, (забайк.) ‘кастрированный бык’ (Филин, 1977, с. 150) – это более редкий вариант семантически и территориально близкого *кочерик*, которое объясняется в литературе как заимствование из бурятского языка (см. Абросимова, 2011, с. 6). Названия растений *кашир* (курск.) ‘*Valeriana officinalis* L., валериана лоснящаяся’, *кашира* (рост.) ‘водяная трава’ (Филин, 1977, с. 150), также встречающиеся в единичных говорах, вероятно, того же происхождения, что и слово *кашка* – распространенное название многих растений, а также более редкое *кашица* (см. Филин, 1977, сс. 151–152). Имена растений, образованные с помощью различных суффиксов с согласным *-р-*, известны в русских говорах: *купырь* ‘купава’, *пичура* ‘старый белый гриб’, *пухарка* ‘дождевик’ и др. (Меркулова, 1967, сс. 65–66, 182, 198). Связь же топонима *Кашира* с гнездом слова *каша* исключена, так как первоначально он имел форму *Кошира*.

*глядень : *Гледенъ* (*Гляденъ*) («на Устюг под город под Гледен», Устюжская летопись (Список Мациевича) / «... Глядѣнь», Ермолинская летопись, 1436 г.), ср. русск. диал. (сиб.) *гляден* 'возвышенная местность, холм' (Ююкин, 2015, с. 80); в др.-русск. – лишь глагол *глядѣти* (XVI–XVII вв.) (см. Бархударов, 1977, с. 40);

*зарои : *Зарой* («поиде противу ему къ Зарою», Ипатьевская летопись, 1154 г.), ср. укр. диал. (черниг.-сум.) *зарой* 'овраг, яма' (Ююкин, 2015, с. 107);

*лужище : *Лужище* («на Лужищи» (мест. п.), Тверская летопись, 1181 г.), ср. блр. диал. *лужышча* 'поле на месте вспаханного луга' (Ююкин, 2015, с. 173); в древнерусскую эпоху известно только производящее слово *лужа* '1) углубление со скопившейся дождевой или подпочвенной водой, лужа (1477 г.) / озерко, стоячая вода в низменных болотистых местах; 2) низменное мокрое место в излучине реки (XV в.)' и производные от него *лужина* 'озерко; стоячее болотце, большая лужа', уменьш. *лужинка*, *лужица* (Бархударов, 1981, с. 294);

*передоль : *Передол(в)ский погостъ* («въ Передолскомъ [погостѣ]», Отрывок Русской летописи, 1535 г.), ср. блр. диал. *передол* 'возвышенное место между долинами' (Жучкевич, 1974, с. 285), (брест.) *перадол* 'место, где долго стоит вода и вымокает посев; низ, низкая местность' (Яшкін, 1971, с. 141), (туров.) *перэдол* 'долина' (Кривіцкі, 1985, с. 30); от прсл. *perdolъ, ср. др.-польск. *przedół* 'болото, топь, лужа' (Urbańczyk, 1974, с. 123), словен. диал. *prédol* 'перевал, горный проход', в топонимии – *Tolmin Predol*, название горы (Badjura, 1953, сс. 104–105), *Predole*, ойконим, с.-хорв. *Predole*, *Predolje*, названия населенных пунктов (*Imenik mesta u FNRI*, 1953, с. 477);

*римъ : *Римовъ* («и идохом на вои ихъ за Римовъ», Лаврентьевская летопись, 1096 г.), ср. укр. диал. (черниг.-сум.) *рим* 'овраг' (что хорошо подтверждается географическими реалиями, см. Ююкин, 2015, сс. 243–244)³;

³ Родственно русск. диал. *рымонить* 'плакать', что указывает на первоначальность значения 'водоем (с текущей, издающей определенный звук водой)', ср. аналогично объясняемое название реки *Ritava*, правый приток Шайо (Сланы), Тисы, левый приток Дуная, в Словакии (см. Ondruš, 1979, с. 281–282). К этому корню не имеет отношения русск. диал. (омск.) *римá* 'низина' (Филин, 2001, с. 103), несмотря на близость значений: это слово находится в очевидной связи с оренбург. *ремá*, *уремá*, тат., 'поемный кустарник и лес по реке, вся ширина русла или поема, берега́ реки, низменности до увала, до кряжа; вся речная долина', уральск. *урёмá* 'то же' (Даль, 1994, с. 1674), которые происходят из чув. *uräta, тат., мишар. *ärätä* 'низкое место около реки, поросшее ольхой' (см. Фасмер, 1996b, с. 167).

*рутѣка : *Рутки* («по Руткамъ», Патриаршая, или Никоновская, Львовская и др. летописи, 1554 г.), ср. русск. диал. (кур.) *рутка* ‘копань, колодец’, укр. *рутка* ‘выбоина, наполненная водой’, диал. ‘низменность’, и др. (Ююкин, 2015, сс. 248–249);

*ряса : *Рязань* («иде к Рязаню», Лаврентьевская, Ипатьевская и другие летописи, 1096 г.); *Рясна* («пожж(д)е... Рясну», Софийская первая, Патриаршая, или Никоновская и др. летописи, 1335 г.), ср. русск. диал. (олонец., ряз.) *ряса* ‘болотистое место, сырость’ (Ююкин, 2015, с. 250);

*сѣдыхальня : *Здыхальня* (Устюжская летопись (2. редакция), Летописец Льва Вологодина (испорченное «Задыхальня»), 1679 г.), ср. русск. диал. (вят.) *здыхаленка* ‘бесхлебица, голод’ (Ююкин, 2015, сс. 108–109);

*тухола : *Тухола* («в(ъ) Тухолѣ», Иоасафовская, Симеоновская, Патриаршая, или Никоновская и многие другие летописи, 1478 г.), ср. русск. диал. (твер.) *тухоль* ‘вонь, тухлость, спертый запах’ (Ююкин, 2015, сс. 298–299);

*хомоль : *Хомолы* («до Хомоль», Симеоновская, Патриаршая, или Никоновская летописи, 1205 г.), ср. русск. диал. *хомолок* ‘верхушка, маковка’, укр. *хомля*, *хомівка* ‘женский головной убор’ (Трубачев, 1981, сс. 68–69);

*хоня : *Хони* («въ Хонехъ», Симеоновская летопись, 1365 г.), ср. русск. диал. (пск., твер.) *хоня* ‘ротозей’ (Ююкин, 2015, с. 312).

Вторую группу составляют следующие лексемы:

*отѣжира : *Отжира* («взяша городок Орѣшок и Отжиру», Владимирский летописец, 1348 г.), ср. русск. *отжиреть* ‘стать жирным’, *отжирок* ‘жировой, внебрачно рожденный’ (Ююкин, 2015, сс. 222–223);

*сулоть : *Сулоть* («воевали... да деревни Сулати», Псковская первая и третья (Строевский список) летописи, 1564–65 гг.), ср. русск. диал. (перм.) *сулотиться* ‘хлопотать, заботиться, суетиться’ (Ююкин, 2015, с. 280);

*сѣгарье : *Згарье* (Патриаршая, или Никоновская летопись, Продолжение Александро-Невской летописи, 1566 г.), ср. др.-русск. *сгарати* (*згарати*, *сѣгарати*) ‘сгорать’ (Ююкин, 2015, с. 108).

К третьей группе также относятся всего три лексемы:

*буица : *Буица* («и быша в Буици, селѣ стога Георгиа», Новгородская первая летопись младшего извода, 1232 г.), от прсл. *vijsa: чеш. диал. *vijsa* ‘ягода *Fragaria elatior*’ (Sławski, 1974, с. 44), мак. *буица* ‘бурный поток’, с.-хорв. *бујица* ‘дождевой поток’, словен. *vijsa* ‘ручей, поток; сточная канава’, также как гидроним (Ююкин, 2015, с. 40);

*бѣлкѣ : *Болки* («и седѣ в Болках», Псковская третья летопись (Стровеский список), 1472 г.), от прсл. *bьlkъ, ср. др.-польск. *bełk* ‘водоворот’ (Urbańczyk, 1953, с. 10), польск. диал. *bełk*, *bełch* ‘тина, ил, грязь; глубокое место в воде, водоворот’ (Ююкин, 2015, сс. 31–32), также в топонимии – *Bełk* (4), *Bełki*, *Bełkowo*, *Bełszewo*, названия населенных пунктов (последние два топонима могут быть образованы и от личных имен) (Rymut, 1996, сс. 116–117), с.-хорв. *bûk* ‘водоворот’ (Толстой, 2001, с. 19), диал. ‘глубокое место’ (Schütz, 1957, с. 19);

*гвоздѣ : *Гвоздна* («Гвоздну» (мест. п.), Продолжение Александроневской летописи, Дополнения к Патриаршей, или Никоновской летописи, 1565 г.), от прсл. *gvozdъ ‘(густой, дремучий, высокий) лес’ (Ююкин, 2015, сс. 77–78); в древнерусском языке засвидетельствовано лишь этимологически тождественное, однако семантически резко отличное от него *гвоздь*, *гвоздь* ‘1) деревянная втулка, служащая для закупоривания бочек, деревянный гвоздь (1204 г.); 2) гвоздь (941 г.)’ (Бархударов, 1977, с. 15).

Из приведенных выше примеров видно, что подавляющее большинство реконструируемых для древнерусского состояния языка лексем сохраняется в языке более позднего времени, причем очень часто в говорах той же территории, на которой отмечен соответствующий ойконим, или смежной с ней: *Рязань* и *ряса* в рязанских говорах, *Римовѣ* в современной Курской области и *римѣ* в говоре Чернигово-Сумского Полесья и др. Учитывая то, что большинство соответствий сохранилось лишь в одном или немногих соседних говорах, нет сомнений в том, что эти лексемы носили в древнерусском языке диалектный характер. Основы окских топонимов *Богона* и *Гвоздна* находят соответствия на бывшей племенной территории кривичей, что отражает отмечаемый в исторической литературе процесс кривичской колонизации бассейна Оки. Более широкое распространение имеет лишь термин *рутка*. Значительно удалены друг от друга говоры, в которых встречается праславянский апеллятив *ряса*.

Едва ли между древнерусскими топоосновами и их засвидетельствованными восточнославянскими соответствиями могут быть существенные расхождения в значениях, если учесть, с одной стороны, отсутствие таковых у тех слов, которые представлены в разных языках или диалектах (исключение составляет термин *perdolъ, употребляющийся для обозначения разнообразных географических объектов, пересечение которых сопряжено с трудностями, которые надо преодолевать (ср. с.-хорв. *предолети*)), а с другой – соответствие значений диалектных слов

географическим реалиям соответствующих древнерусских поселений (разумеется, в тех случаях, когда таковые известны): так, *Римовъ* находился в овражистой местности; *Гледень* был расположен на крутом холме и т.д.

Почти все реконструируемые лексемы являются географическими терминами. Другую, гораздо менее многочисленную группу основ составляют эмоционально окрашенные апеллятивы, содержащие сниженную, уничижительную характеристику: *отъжира, *сулоть, *съдыхальня, *тухола, *хоня.

О широте былого распространения термина *передоль* на восточнославянской территории свидетельствуют также ойконимы *Передол* в бывшей Полоцкой земле (упомянут под 1522 г.) (см. Лаппо, 1905, с. 75) и на территории нынешнего Жуковского района Калужской области (впервые в грамоте 1544 г. (см. Носов, 1969, с. 105)).

Апеллятив *хомоль употреблен, очевидно, как обозначение возвышенности: устойчивый семантический параллелизм между орографическими терминами и названиями женских головных уборов неоднократно отмечался в литературе.

Наибольшее значение для реконструкции былых ареалов распространения лексических единиц имеют примеры, относящиеся к третьей группе. Для *буица и *бълкъ приведенные ойконимы являются единственными свидетельствами существования этих апеллятивов в древнерусских диалектах. Слово *гвоздь имеет широкое распространение в топонимии Северо-Запада (*Гвоздно*, *Гвоздок*, *Гвоздеи*, *Загвоздь* и др.). Эти лексемы обнаруживают параллели в обеих группах славянских языков.

Привлечение древнерусского топонимического соответствия лексеме *бълкъ позволяет уверенно разрешить сомнения относительно праславянской формы польского слова – *bълкъ или *bьlkъ, по-разному определяемой этимологами (см. Nitsche, 1964, с. 165).

Топографический характер значений термина *viјica в южнославянских языках, подкрепленный его употреблением в топонимии этих языков, не оставляет сомнений в том, что значение основы древнерусского топонима было ближе к ним, чем к значению единичного чешского диалектного примера.

Специфические древнерусские апеллятивы, не имеющие параллелей в западно- и южнославянских языках, часто образованы от глагольных основ, что отражает развитость отглагольного словообразования в древнерусском языке. Так, все лексемы, входящие во вторую группу, равно

как и многие апеллятивы, засвидетельствованные соответствия которым являются узколокальными диалектизмами, известными лишь в одном говоре: *гляденъ, *зарои, *римъ, *съдыхальня, – это отглагольные образования. Напротив, среди апеллятивов, встречающихся в других языках (т. е. имеющих несомненное праславянское происхождение), представлены преимущественно слова с именными основами (*богона, *буица, *гвоздъ, *лужище, *хомоль и др.), а отглагольный пример единичен (*бълкъ).

Большинство реконструируемых апеллятивов образовано с помощью суффикса *ъ (-а, -о) / *ь (-'а, -е): *бълкъ, *гвоздъ, *римъ, *ряса, *хоня; половину из них составляют образования от приставочных глаголов, т. е. имеющие внешние признаки префиксальных или префиксально-суффиксальных производных: *зарои, *отъжира, *передолъ, *сулоть, *съгарье. Представлена также группа лексем с суффиксами: с согласным *-п- (*богона, *гляденъ, *съдыхальня), *-ол- (*тухола, *хомоль), единичными примерами – *-іса (*буица), *-іѣ (*лужище), *-ѣк- (*рутъка).

Наибольшее количество ойконимов с реконструируемыми основами отмечено на территории Новгородской земли (Буица, Гледенъ (Гляденъ), Лужище, Отжира, Передол(ь)ский погостъ, Сулоть, Тухола, Хони) и в верхнем и среднем Поволжье (Рутки, Рязань, Рясна, Хомолы). Меньше их в Поочье (Богона, Гвоздна, Згарье), в восточных районах Черниговского княжества (Зарой, Римовъ) и на Псковщине (Болки). Неизвестно местонахождение топонима Здыхальня.

Что касается стратиграфии ойконимов, то их количество в разные периоды истории древнерусского языка примерно одинаково: до XIV в. впервые упоминаются 6 из них (Буица, Зарой, Лужище, Римовъ, Рязань, Хомолы), в средний – 6 (Болки, Гледенъ, Отжира, Рясна, Тухола, Хони), в поздний – 7 (Богона, Гвоздна, Згарье, Здыхальня, Передол(ь)ский погостъ, Рутки, Сулоть). Однако с учетом резкого роста от периода к периоду общего количества упоминаемых в летописях ойконимов очевидно неуклонное снижение доли названий с незасвидетельствованными основами, что объясняется как увеличением количества и расширением жанрового разнообразия памятников письменности и, соответственно, более полным отражением в них лексики древнерусского языка, так и процессом формирования общенационального языка, сопровождавшимся определенным нивелированием диалектных различий.

Таким образом, привлечение топонимического материала позволило расширить наши представления о словарном составе древнерусского

языка, уточнить хронологию возникновения и ареалы былого распространения ряда лексем и тем самым пополнить перечень восточно-инославянских изолекс.

Литература

- Badjura, R. (1953). *Ljudska geografija: Terensko izrazoslovje*. Ljubljana: Državna Založba Slovenije.
- Bezljaj, F. (1958). Význam onomastiky pro studium praslovanského slovníku. *Slavia*, 27, 353–364.
- Imenik mesta u FNRJ*. (1953). Beograd: Politika.
- Nitsche, P. (1964). *Die geographische Terminologie des Polnischen*. Köln: Böhlau.
- Ondruš, Š. (1979). Slovenské rieky – pôvod mien. *Studia Academica Slovaca*, 8, 269–287.
- Rymut, K. (Ed.). (1996). *Nazwy miejscowe Polski: Vol. 1. A–B*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN.
- Schütz, J. (1957). *Die geographische Terminologie des Serbokroatischen*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Schütz, J. (1965). Das präfigierende Element *ka- / ko- / k-* in der Wortbildung des Slavischen. *Die Welt der Slaven*, 10, 322–329.
- Sławski, F. (Ed.). (1974). *Słownik prasłowiański: Vol. 1. A–B*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Urbańczyk, S. (Ed.). (1953). *Słownik staropolski: Vol. 1: Pt. 2 (2). Ba – Boleść*. Warszawa: Polska Akademia Nauk.
- Urbańczyk, S. (Ed.). (1974). *Słownik staropolski: Vol. 7: Pt. 2 (42). Przaśnice – Przepamiętać*. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich.
- Абросимова, О. Л. (2011). Заимствования и их адаптация в забайкальских говорах. *Гуманитарный вектор*, 4(28), 5–8.
- Бархударов, С. Г. (Ed.). (1975). *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (Pt. 1). Москва: Наука.
- Бархударов, С. Г. (Ed.). (1977). *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (Pt. 4). Москва: Наука.
- Бархударов, С. Г. (Ed.). (1981). *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (Pt. 8). Москва: Наука.
- Даль, В. И. (1994). *Толковый словарь живого великорусского языка* (Vol. 3). Москва: Универс.
- Жучкевич, В. А. (1974). *Краткий топонимический словарь Белоруссии*. Минск: Издво БГУ.
- Крывіцкі, А. А. (Ed.). (1985). *Тураўскі слоўнік: Vol. 4. П–Р*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Лаппо, И. И. (1905). *Полоцкая ревизия 1522 года*. Москва: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете.
- Меркулова, В. А. (1967). *Очерки по русской народной номенклатуре растений*. Москва: Наука.
- Носов, Н. Е. (1969). *Становление сословно-представительных учреждений в России*. Москва: Наука.
- Срезневский, И. И. (1989). *Словарь древнерусского языка: В 3 т.* (Vol. 3/3). Москва: Книга.

- Толстой, Н. И. (2001). *Сербскохорватско-русский словарь*. Москва: Русский язык.
- Трубачев, О. Н. (Ed.). (1981). *Этимологический словарь славянских языков: Pt. 8. *ха – *jъvьlga*. Москва: Наука.
- Фасмер, М. (1996a). *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.* (3rd ed., Vol. 2). Санкт-Петербург: Азбука.
- Фасмер, М. (1996b). *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.* (3rd ed., Vol. 4). Санкт-Петербург: Азбука.
- Филин, Ф. П. (Ed.). (1977). *Словарь русских народных говоров* (Pt. 13). Ленинград: Наука.
- Филин, Ф. П. (Ed.). (1979). *Словарь русских народных говоров* (Pt. 15). Ленинград: Наука.
- Филин, Ф. П. (Ed.). (2001). *Словарь русских народных говоров* (Pt. 35). Санкт-Петербург: Наука.
- Ююкин, М. А. (2015). *Этимологический словарь летописных географических названий северной и восточной Руси*. Москва: ФЛИНТА.
- Яшкін, І. Я. (1971). *Беларускія геаграфічныя назвы*. Мінск: Навука і тэхніка.

Bibliography (Transliteration)

- Ambrosimova, O. L. (2011). Zaimstvovaniia i ikh adaptatsiia v zabaikal'skikh govorakh. *Gumanitarnyi vektor*, 4(28), 5–8.
- Badjura, R. (1953). *Ljudska geografija: Terensko izrazoslovje*. Ljubljana: Državna Založba Slovenije.
- Barkhudarov, S. G. (Ed.). (1975). *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* (Pt. 1). Moskva: Nauka.
- Barkhudarov, S. G. (Ed.). (1977). *Slovar' russkogo iazyka XI–VII vv.* (Pt. 4). Moskva: Nauka.
- Barkhudarov, S. G. (Ed.). (1981). *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* (Pt. 8). Moskva: Nauka.
- Bezljaj, F. (1958). Význam onomastiky pro studium praslovanského slovníku. *Slavia*, 27, 353–364.
- Dal', V. I. (1994). *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* (Vol. 3). Moskva: Univers.
- Fasmer, M. (1996a). *Ėtimologičeskii slovar' russkogo iazyka: V 4 t.* (3rd ed., Vol. 2). Sankt-Peterburg: Azbuka.
- Fasmer, M. (1996b). *Ėtimologičeskii slovar' russkogo iazyka: V 4 t.* (3rd ed., Vol. 4). Sankt-Peterburg: Azbuka.
- Filin, F. P. (Ed.). (1977). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* (Pt. 13). Leningrad: Nauka.
- Filin, F. P. (Ed.). (1979). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* (Pt. 15). Leningrad: Nauka.
- Filin, F. P. (Ed.). (2001). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* (Pt. 35). Sankt-Peterburg: Nauka.
- IAshkin, I. I. (1971). *Belaruskiiia heahrafichnyia nazvy*. Minsk: Navuka i tĕkhnika.
- Imenik mesta u FNRJ*. (1953). Beograd: Politika.
- IUiuĭkin, M. A. (2015). *Ėtimologičeskii slovar' letopisnykh geograficheskikh nazvanii severnoi i vostochnoi Rusi*. Moskva: FLINTA.
- Kryvitski, A. A. (Ed.). (1985). *Turaŭski sloŭnik: Vol. 4. P–R*. Minsk: Navuka i tĕkhnika.

- Lappo, I. I. (1905). *Polotskaia reviziia 1522 goda*. Moskva: Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete.
- Merkulova, V. A. (1967). *Ocherki po russkoj narodnoj nomenklature rastenii*. Moskva: Nauka.
- Nitsche, P. (1964). *Die geographische Terminologie des Polnischen*. Köln: Böhlau.
- Nosov, N. E. (1969). *Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii v Rossii*. Moskva: Nauka.
- Ondruš, Š. (1979). Slovenské rieky – pôvod mien. *Studia Academica Slovaca*, 8, 269–287.
- Rymut, K. (Ed.). (1996). *Nazwy miejscowe Polski: Vol. 1. A-B*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN.
- Schütz, J. (1957). *Die geographische Terminologie des Serbokroatischen*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Schütz, J. (1965). Das präfigierende Element *ka- / ko- / k-* in der Wortbildung des Slavischen. *Die Welt der Slaven*, 10, 322–329.
- Sławski, F. (Ed.). (1974). *Słownik prasłowiański: Vol. 1. A–B*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Sreznevskii, I. I. (1989). *Slovar' drevnerusskogo iazyka: V 3 t. (Vol. 3/3)*. Moskva: Kniga.
- Tolstoï, N. I. (2001). *Serbskokhorvatsko-russkii slovar'*. Moskva: Russkii iazyk.
- Trubachev, O. N. (Ed.). (1981). *Étimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Pt. 8. *xa – *jvvlga*. Moskva: Nauka.
- Urbańczyk, S. (Ed.). (1953). *Słownik staropolski: Vol. 1: Pt. 2 (2). Ba – Bolesć*. Warszawa: Polska Akademia Nauk.
- Urbańczyk, S. (Ed.). (1974). *Słownik staropolski: Vol. 7: Pt. 2 (42). Przaśnice – Przepamiętać*. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich.
- ZHuchkevich, V. A. (1974). *Kratkii toponimicheskii slovar' Belorussii*. Minsk: Izdvo BGU.

Annalistic oikonymy as a source for reconstruction of the Old Russian vocabulary

Summary

Among about 1,000 place names mentioned in the Old Russian chronicles (within the borders of contemporary Russia), there are 19 ones that are derived from stems non-attested as appellatives in the Old Russian written sources. The vast majority of them can be reconstructed by comparison with words of modern East Slavic languages or their dialects, but several are not known in the East Slavic zone, and have parallels in the West and (or) South Slavic

languages only. Almost all of these words are geographical terms. The places in whose names they are preserved are located mostly in Novgorod Ruthenia and the Upper and Middle Volga basin.

Ojkonimia latopisów jako źródło dla rekonstrukcji słownictwa języka staroruskiego

Streszczenie

Wśród około 1000 nazw miejscowych wymienionych w staroruskich kronikach (w granicach dzisiejszego państwa rosyjskiego) jest 19 pochodzących od podstaw, które nie są apelatywnie poświadczane w źródłach staroruskich. Zdecydowaną większość z nich można zrekonstruować na podstawie wyrazów należących do zasobu leksykalnego współczesnych języków wschodniosłowiańskich lub ich dialektów, ale kilka z nich ma analogie tylko w językach zachodnio- i południowosłowiańskich. Prawie wszystkie te słowa są terminami topograficznymi. Miejsca, w których nazwy są zachowane, znajdują się głównie w Rusi Nowogrodzkiej i dorzeczu Górnej i Środkowej Wołgi.

Keywords: Old Russian language; historical lexicology; etymology; toponymics; lexical reconstruction; isolex

Słowa kluczowe: język staroruski; leksykologia historyczna; etymologia; toponimika; rekonstrukcja leksykalna; izoleksa

---

Maksim V. Iuiukin, Voronezh

Correspondence: yuyukin@bk.ru

The preparation of this article was financed at the author's own expense.

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.